

Море сознания бурлило, возбуждённое избытком духовной энергии, и Божественная душа слегка дрожала в ответ. Лю Хуа, казалось, был занят тренировкой, но на самом деле погрузился в собственные дела. Наконец, достигнув пика концентрации духовной энергии, он ощутил барьер, отделяющий его от прорыва. Однако этого было недостаточно — он должен был достичь Великого Совершенства Изначального Младенца, и для этого требовалось полное освоение каждой капли энергии.

Рассчитав время, Лю Хуа решил, что послезавтра отправится в Сумрачный лес.

Сегодня за обедом никто не осмелился беспокоить Лю Хуа. Все вели себя тихо, пока не появилась семья Миллера.

Пришла мать Миллера, известная в королевской семье красавица в молодости. По правилам, во время тренировок посещения родственников запрещены, но для знатных семей такие ограничения не имели значения.

Миллер находился в питательной капсуле, и одно это уже заставляло Фанэршу, его мать, нервничать.

— Мой мальчик, — обняла она Миллера, — с тобой всё в порядке?

Миллер смутился, хотя они стояли за пределами столовой, вокруг всё же были люди:

— Всё в порядке, мама, не беспокойся. Тебе лучше побыстрее вернуться.

Глаза Фанэрши покраснели, она прижала руку к груди:

— Если будет слишком тяжело, скажи мне, мы...

— Мама, — Миллер прервал её, нахмурившись. — Ты ведь знаешь мои намерения.

Лю Хуа, обладая острым слухом, сидя у окна, всё прекрасно слышал. Подняв голову, он заметил, как к нему приближается миловидная девушка.

Тем временем Фанэрша наконец перестала плакать. Вытерев слёзы и глубоко вздохнув, она мгновенно вернула себе аристократическую осанку, несмотря на покрасневшие глаза. Взяв Миллера за руку, она с воодушевлением сказала:

— Угадай, кого я привела к тебе? Дочь семьи Тади, мисс Ифань, та самая, с которой ты так хорошо играл в детстве...

— Ааа! — Вопль прервал её рассказ.

Фанэрша замерла, затем с удивлением посмотрела в сторону столовой:

— Ифань?

Несколько минут назад Ифань подбежала к Лю Хуа, её лицо выражало откровенную наглость, и она, указав на него, крикнула:

— Ты тот, кто причинил боль моему брату Миллеру!

Семья Тади пользовалась немалым уважением в королевской семье, и то, что Фанэрша лично привела Ифань к Миллеру, говорило о её особом расположении. Семья Стауфен же была недостойна даже чистить обувь Тади, поэтому дерзость Ифань была вполне объяснима.

Но если говорить о наглости, то Император Лю Хуа был вне конкуренции.

В последнее время Лю Хуа увлёкся газированным напитком, который был острым и приятным на вкус. На Континенте Сюаньцан он никогда не пробовал ничего подобного. Помнится, когда он впервые его попробовал, то был поражён, решив, что это напиток для настоящих мужчин. Однако другие Одарённые его не любили, так как в нём содержались добавки, вредные для мышц. Но для Лю Хуа, прошедшего очищение мышц и костного мозга, это не имело значения, поэтому он пил по две бутылки за раз. Сегодня, открыв одну из них и поставив на стол, он стал свидетелем того, как Ифань схватила её и выплеснула содержимое в его сторону.

Лю Хуа, конечно, не попал под удар, но сам факт, что его облили и испортили его любимый напиток, уже был серьёзным вызовом.

На столе оставалась ещё одна бутылка. Лю Хуа сначала убрал её в сумку, затем схватил стакан с водой у ошеломлённого Одарённого, произнеся:

— Прошу прощения, — и выплеснул воду прямо в лицо Ифань, не промахнувшись ни на миллиметр.

Когда Фанэрша и Миллер ворвались в столовую, услышав крик, они увидели Ифань, стоящую в мокрой одежде.

Но кто такой Лю Хуа? В прошлом он проводил время, сидя в зале на горе Цихуан и наблюдая через зеркало Тайсю за жизнью людей на протяжении восьмисот лет. От семейных ссор до падения династий — для него всё было мимолётным мгновением.

Поэтому Лю Хуа сразу понял, как Ифань связана с ними, и решил действовать на опережение:

— Миллер, мы оба Одарённые. Разве не на поле боя должно решаться, кто сильнее?

Лю Хуа хорошо знал характер Миллера. Тот обладал немалой силой, а его благородное происхождение делало его слишком самоуверенным. На более крупной сцене он мог бы даже

претендовать на роль спасителя. Хотя он был немного наивен, его сердце было чистым, даже слишком прямолинейным, и он придавал большое значение формальностям. Другими словами, Лю Хуа мог использовать любые средства для победы, а Миллер стремился к победе только в честном поединке, на глазах у всех.

Поэтому слова Лю Хуа задели Миллера за живое, и он тут же согласился:

— Верно!

Лю Хуа усмехнулся, словно его оскорбили:

— Я считал тебя соперником, но как ты поступил? Это твоя невеста? Ты позволил женщине унижать меня?!

Его слова звучали настолько убедительно, что даже вызвали у Миллера сочувствие. Если бы сегодня его самого унизила девушка Лю Хуа... это было бы позором для любого Одарённого!

— Нет, это не так... — Увидев, как изменилось лицо Миллера, Ифань почувствовала страх и попыталась объяснить, но Миллер резко прервал её.

— Хватит! — Он посмотрел на Фанэршу. — Мама, пожалуйста, уведи её.

Затем он произнёс слова, которые повергли Ифань в отчаяние:

— Я никогда не женюсь на такой женщине!

Ифань побледнела, крепко схватив рукав Фанэрши:

— Тётя...

Фанэрша, которая сначала хотела защитить Ифань и наказать дерзкого юнца, увидела, что сын тоже рассержен, и решила не вмешиваться.

— Это поле битвы для мужчин, — продолжил Миллер. — Мама, я не хочу, чтобы меня считали ребёнком, который прячется за юбкой матери!

Эти слова ранили Фанэршу, ведь Миллер был для неё всем. Она, забыв об Ифань, осознала свою ошибку, увидев вокруг Одарённых, и поспешно сказала:

— Хорошо, мы уходим!

Ифань не хотела уходить, но Фанэрша отпустила её руку и ушла сама. Ифань, не зная, что делать, в последний момент взглянула на Лю Хуа и увидела, как тот слегка улыбнулся, словно всё было под его контролем. Она почувствовала страх, интуитивно понимая, что если

останется, то ситуация станет ещё более унижительной, и поспешила вслед за Фанэршей.

— Прости, — Миллер извинился перед Лю Хуа.

Тот считал его соперником, и это уже было признанием. Учитывая, что Лю Хуа показывал отличные результаты, Миллер был готов признать его как противника:

— Ифань не моя невеста, между нами ничего нет.

Император Лю Хуа, разрушивший чужую помолвку, не чувствовал никаких угрызений совести. Он кивнул, указывая на пустую бутылку на полу:

— Твоя невеста... нет, та сумасшедшая девчонка, которую привела твоя мать, ещё и разбила мой любимый напиток.

Он подчеркнул:

— Он очень дорогой.

Миллер кивнул:

— Я заплачу!

— Сколько? — Лю Хуа был уверен, что гордый сын аристократа не станет предлагать оплату за одну бутылку.

Как и ожидалось, Миллер осторожно спросил:

— Двух ящиков хватит?

Император Лю Хуа был доволен:

— Хватит.

Глупый мальчишка, ради этих двух ящиков напитка Лю Хуа решил больше его не обижать.

Когда Лю Хуа собрался уходить, Миллер вдруг серьёзно сказал:

— Я всегда буду первым, Лю Хуа. Я не позволю тебе обогнать меня!

Лю Хуа махнул рукой, его поза была расслабленной, но осанка оставалась прямой. Много лет спустя Миллер, вспоминая эту сцену, не мог сдержать улыбку. Он выиграл у Лю Хуа Стауфена только один раз, а после этого Лю Хуа стал для него недостижимым, как звёздное небо.

Сегодняшняя тренировка не стала исключением. Лю Хуа занял первые места в трёх дисциплинах, вернулся в общежитие, смыл пот и, лёг на кровать, незаметно уснул.

Неизвестно, сколько времени прошло, но ночной ветер принёс с собой знакомый холодный аромат, и Лю Хуа, почувствовав его, шевельнулся и невольно позвал:

— Фань Сяо...

Фань Сяо, не понимая, что происходит, обернулся:

— Да?

Голос заставил Лю Хуа резко открыть глаза, и он увидел фигуру, стоящую у стола.

«Ох, моё сердце снова здесь!» — подумал Лю Хуа без тени смущения.

— Что привело тебя сюда? — спросил он.

Фань Сяо приподнял бровь:

— Не рад?

— Рад, рад, — Лю Хуа встал, усадил Фань Сяо и вытащил из-под кровати ящик с напитками, которые ему отдал Миллер.

Лю Хуа был скупым с другими, но Фань Сяо он предложил сразу две бутылки:

— Мне кажется, это очень вкусно. Хочешь попробовать?

— Не дешёвое удовольствие, — Фань Сяо взял бутылку, посмотрел на этикетку. — Старый Стауфен увеличил тебе стипендию?

<http://bllate.org/book/15416/1363386>